

Туда и обратно

**Алексей Карташов,
Александра Тайц**

ФАНТАСТИКА

В тот вечер я вернулся довольно поздно и слегка навеселе. Поставил кофейник, заварил себе кофе, обнаружил, что в пакете осталось на донышке. Сделал пометку в календаре — купить кофе.

Сел за машину, проверил почту. Ничего особенного. Леночка написала четыре длинных письма. Как только у нее кончается работа, она принимается писать мне письма. Некоторое время я раздумывал — не предложить ли моему начальству купить Леночкину контору, чтобы ее наконец загрузить полезной деятельностью. Впрочем, она хорошо писала. Но четыре — все-таки перебор.

Вышли статьи в «Electronics research» — это очень хорошо. Ссылка на pdf-файл, правда, не сработала — файл не открывался. Профессионалы, ничего не скажешь.

Мама писала, что у них опять идет снег, а на берегу пруда, который виден из окна, сидит рыжая собака и охраняет школьный рюкзак. И что собака сидит так уже давно, а мама волнуется, не простудилась бы.

Алиша писала, что ждет меня в воскресенье на презентации, форма одежды — без джинсов. Каждый раз, читая подобную строчку в приглашениях, я представлял себе полную комнату народу в рубашках с галстуками и без штанов. Интересная была бы презентация. В конце было приписано, что после презентации она еще кое-что мне покажет, и стояло сердечко. Я сделал отметку в телефоне на субботу.

Отец писал, что приезжает на праздники, предлагал сходить на игру и выпить пива. Я ответил, что непременно пойдем. Отец пристрастился смотреть бейсбол и уверял меня, что это та же лапта, в которую они играли в детстве. Мы встречались нечасто и ненадолго, но всегда были рады друг друга видеть. Семнадцатого, значит. Так и запишем...

Настя писала, что ждет меня завтра в семь, и пообещала бараньи ребра с соусом бешамель. Я обрадовался, сделал еще одну отметку и принялся читать дальше.

В рабочей почте тоже было все тихо. Народ обсуждал в рассылке вчерашнюю вечеринку, договаривался на выходные на лыжах. Обычная пятничная суета.

Андре писал, что интеграция задерживается. Все сожалели.

Радж писал, что закончил установку «Тайфуна», его все поздравляли...

Почта кончилась. За окном подмигивал огоньками угловой магазинчик, за ним — бар. Сижу дома как сыч, подумал я. Работа—дом—работа. Всего и развлечений, что почту проверить. Нельзя так! Я спустился вниз, вышел на крыльцо, вдохнул холодный влажный воздух. С океана серыми клоунами наползал туман. Насквозь промокшая магнолия, склонившаяся над подъездом, деревянно шуршала листьями под порывами ветра и осыпала меня ледяными брызгами. Ой, нет — домой, домой!..

В кабинете пахло табаком, книжной пылью, немного — пластмассой от компьютерного вентилятора. И кофе. Хороший, уютный запах. И лампа горит. Совсем другое дело.

Черт возьми, подумал я. Занимаемся всякой фигней. Вместо того чтобы радоваться простым вещам. Табак, вино, сыр,

виноград... тут я подумал, что получается какой-то уж больно желудочно ориентированный список, и продолжил — запах грозы... Какой такой грозы в феврале?

В кабинете теперь отчетливо пахло весенней грозой. Озоном, поправил я себя, это запах озона. Проводка где-то полетела. Я поднялся с кресла — надо было выяснить, в чем дело. В этот момент что-то очень громко щелкнуло.

У двери в воздухе повисло мутноватое серое пятно. Интересно, что я совсем не испугался, не было даже и любопытства, только странная уверенность: «Ну вот! Приключение начинается».

Серый фон, потрескивая, принял прямоугольную форму, сфокусировался, словно старый ламповый телевизор, и замер. Я на всякий случай отошел подальше.

«Шаровая молния? То есть прямоугольная...» — мелькнула идиотская догадка.

Из мути высунулась веснушчатая физиономия и радостно заулыбалась

— Привет! — сообщила физиономия удовлетворенно и исчезла. Через пару секунд появились ноги в кроссовках, руки ухватились за края пятна, и в комнату весьма ловко впрыгнул парень моего возраста.

— Вот и к тебе тоже гости, прямо на второй день! Август, — представился незнакомец, протягивая руку.

Я вежливо пожал ее и плюхнулся в кресло — ноги меня почему-то держать перестали.

— На второй день чего? — спросил я тупо. Что-то я, видно, пропустил.

— Ты что, новости не читаешь? — подтвердил мои опасения Август. — Пропустил начало трансемпоральной эры?

Видимо, у меня стало такое лицо, что Август обеспокоился и спросил осторожно:

— Сегодня второе февраля?

Я кивнул.

— Две тыщи шестнадцатого года?

— Две тыщи одиннадцатого, — вяло поправил я.

— Драть твою кошку! — странно выругался Август и как-то осел, даже слегка посерел кожей.

— Я ничего не понимаю, — признался я. — Ты вообще откуда? У вас там календарей нет?

— Да есть, есть. Я опечтался, в подмышку его! Понимаешь?

— Нет. Не понимаю. Хочешь пива? — Инстинкты пытались запихать меня в нормальную колею.

Впрочем, мне растолковали что к чему довольно скоро, мы успели выпить всего лишь по бутылочке. Все это было похоже на хорошо систематизированный бред.

Август был программистом. Он работал в компании «Гугл». Компания «Гугл» занималась разработкой программного интерфейса для трансемпорального перехода. Говоря нормальным языком, Август был профессиональным путешественником во времени. Чувство реальности забилося куда-то в угол, я закурил и стал вежливо и с интересом слушать.

— Нам разрешено загружаться до марта две тыщи шестнадцатого года, — объяснял Август. — Но в сегодняшнем

билде, видимо, баг. Погоди, я проверю, обратно-то я могу? — Он рванулся к экрану, который уже снова затянулся пеленой, сунул туда голову и вынырнул, успокоенный. — Уфф! Все нормально.

На мой взгляд, ничего нормального не было, но говорить об этом я не стал. Правила приличия, однако, требовали какой-то реакции, и я спросил:

— И как это действует, эта твоя трансвременная штука?

— Ну смотри. — Август страшно обрадовался и затараторил: — Сначала мы сделали Гугл-Тревел, на основе Гугл-Мэпа. Это когда открыли телепортацию, в две тыщи двадцатом. А наработки по времени уже были, и за два года сделали Гугл-Тайм-Тревел. Почистили ближайшее прошлое, убрали великий кризис две тыщи семнадцатого года, а дальше не полезли, потому что не хватает процессорных мощностей, чтобы не испортить настоящее время. Понятно?

Времени оставалось лет пять. Много... А если, вдруг подумал я, взять да и попросить его списать эту их программку? Ну а что — в крайнем случае он мне откажет.

— Слушай, а можно мне установить такой софт? Или это совсем нельзя?

На лице у Августа отразилась борьба страстей. Ему очень хотелось подарить мне такую же игрушку, как у него. Но...

— Джи-Ти-Ти нельзя, его не протащишь в прошлое, там блок глухой. — Он виновато развел руками.

— Ну нет так нет, — вздохнул я. — Успехов тогда тебе! Будем ждать обычным порядком. Пять лет — не так уж и долго, в конце концов!

— А Гугл-Тревел я бы поставил! — вдруг просветлел лицом мой гость. — У тебя ведь есть десантный монитор?

— Август, вот ты сам как думаешь, есть у меня десантный монитор или нет? Это через который пролезаете, да?

— Ну да, логично. Хм... — Он почесал в затылке. — А хочешь — бери мой старый, он поменьше размером, как раз пройдет через этот. — Август ткнул большим пальцем в сторону экрана. — Погоди-ка!

Он нырнул головой вперед в серое дрожание, мелькнули узорчатые подошвы, и рябь сомкнулась.

Я закурил. Дрожь в руках немножко унялась, но от беспорядочных мыслей голова просто лопалась. Это что, вот так можно куда угодно путешествовать? Черт с ним, со временем, я никогда не доверял этим... парадоксам. Но — в любой уголок Земли, мгновенно, без паспорта и визы? Вот захочу, и раз — я в Австралии? Это значит, можно и на Барьерный риф? И маму можно навесить, когда захочу? И... и к Светке сгонять — типа привет, я тут на выходные... Я зажмурился. И это только начало! Я же могу и в Индию, скажем... В Южную Африку... В Буэнос-Айрес, я так соскучился по этому городу! Ох...

— Эй, ты тут? — Голова Августа высунулась из экрана. — Давай-ка принимай! — Голова исчезла, а из ряби вылез углом плоский металлический объект.

Я подхватил его со всей бережностью и осторожно втянул к себе. Монитор как монитор, дюймов тридцать по диагонали, в темном гладком металле.

Мы долго соединяли железо, Август лазил домой за разъемами, потом переписывал мне программу на DVD — на удивление, у него было все это старье. Коллекционер, поди. Мне повезло!

И наконец, затаив дыхание, я уселся за знакомый экран Гугл-Мэпа.

— Значит, смотри: интерфейс я тебе оставил твой собственный, чтобы тебе было привычнее. Находишь место, куда тебе надо, и колесиком туда. Потом включаешь горизонтальную развертку, вот тут.

— А внутрь-то как?

— Фирма ковриков не вяжет, — важно ответил Август. — Включаешь пенетрейшн, вот так — и можешь входить в помещение. Да, чайлд-пруф блок стоит — если в комнате... ну, ты понимаешь... — то не войдешь. Ты потом сам, если захочешь, его снимешь. Так, вот юстировка... пожалуйста, можешь залезать!

В комнате, в городе Рейнбоу, штат Юта, стояли диван, телевизор, миска с остатками попкорна, на полу валялись шмотки.

— Забирать ничего нельзя, только то, что ты сам туда принес... естественно, оттуда никто внутрь войти тоже не может, — инструктировал Август. — Стоят блоки на разницу давлений и температур. Запах не проходит... Что еще-то? Да, экран можно маскировать с той стороны, главное, пароль не забыть... Отходить можно на любое расстояние и время... Вроде все, вперед, иголки наострив!..

«Странный какой у них там, в будущем, жаргон», — подумал я. Это была первая здравая мысль за последние полчаса.

Где только я не побывал за последующие несколько месяцев! Впрочем, рассказ не об этом. Самое важное открытие я сделал только через полгода.

Откройте карту Гугла. Потяните карту влево. Европа, Азия, Тихий океан, Америка, Атлантика... Снова Европа и снова Азия. В один вечер я бездумно промотал несколько глобусов — и вдруг решил заглянуть в свой дом. Все было почти такое же, пока я не увидел, что шкафы стоят немножко не так. И в них другие книги.

Вместо того чтобы немного подумать, я с ходу нырнул в монитор.

Первое время каждую ночь мне снилось одно и то же — что я возвращаюсь к себе. Не хочется просыпаться, я цепляюсь за сон. А вставать надо — Фэн и так дает мне подольше поспать, но пора на работу.

Я влез тогда в эту комнату, не особо размышляя. Потрогал предметы, удивился своему вкусу. И только собирался получше рассмотреть книги на полках, как дверь бесшумно открылась. Я замер и подумал — вот оно. Сейчас я увижу самого себя.

В комнату, однако, вошел не я, а пожилой китаец.

Не знаю, как бы я повел себя на его месте, наверняка стал кричать, а может, и в драку бы полез. Он же только поднял брови домиком и на хорошем английском, правда с сильным акцентом, поинтересовался, кто я такой и как попал в его квартиру.

Я честно объяснил ему как. Фэн вежливо кивал — не знаю, верил или нет. К счастью, сероватый экран я не успел убрать, и он висел, потрескивая, у окна.

— Могу уйти к себе, — пояснил я и нырнул в монитор. Я здорово наострился это делать за полгода. Взял сегодняшнюю газету и нырнул обратно.

Тут он наконец поверил мне и оттаял. Оказалось, что около года назад я уехал из этой квартиры, и Фэн стал следующим жильцом. Мы вообще-то виделись, он мог бы и признать меня, но честно сказал, что плохо различает европейцев.

Мы выпили некрепкого чаю, пахнущего вареным веником. Улун, подумал я, мы пили такой чай, пока ехали первый раз в Симферополь. Тогда отец принес четыре стакана в подстаканниках, и мама с сестрой морщились и говорили — фу, заварка кипяченая! А это был улун. Красивое какое слово. Мне было двенадцать. Я ехал к морю, в первый раз.

Я рассказал Фэну про Гугл-тревел и про то, что я увидел за эти полгода. Честно говоря, он был первым, кому я смог это все рассказать. Фэн кивал головой и цокал языком. Я

рассказал, как садится солнце в пустыне Атакама, про полдень в Буэнос-Айресе, про то, как обрадовались мои, когда я свалился неожиданно-негаданно им на голову — в середине декабря, в Москву, занесенную снегом. На этом месте Фэн покачал головой и сказал:

— Эх, хорошая программа, маму давно не видел. Пятница сегодня, давай выпьем по рюмочке?

И я как дурак согласился.

Полночи мы с Фэном говорили о времени и пространстве, а утром я проснулся в собственном кабинете на диване. Обвел мутными глазами комнату, отметил про себя неправильно стоящие шкафы. Потом попытался припомнить, где я, собственно говоря, нахожусь. Минуты через три вспомнил Гугл-тревел, парнишку по имени Август и начал шарить глазами в поисках серого прямоугольника: пора и честь знать, домой-домой...

Знакомого мерцающего монитора в кабинете не оказалось.

Я быстро и мучительно протрезвел, вскочил, внимательно осмотрел небогатую обстановку кабинета. Нету! Я сжал зубы и тихо застонал.

— Доброе утро, Алекс, — Фэн просунул в дверь нечесаную башку, — чай будешь?

— Можно и чай, — обреченно ответил я.

Фэн к исчезновению монитора отнесся философски: пожал плечами, сказал: «Живи тут пока», да и пошел себе на работу. По субботам он работал мясником в китайском магазинчике на соседней улице. Мы с ним там, собственно, и познакомились. То есть не с ним, а с другим Фэном. Или наоборот. Фу, пропасть! Я потряс головой, разгоняя путаницу.

По всему выходило, что у меня дома, в моем настоящем доме, выключилось электричество. Это было плохо само по себе, но хуже было то, что у меня стоял предохранитель — поэтому, когда электричество дадут, компьютер сам не включится, кто-то должен прийти и включить его кнопкой, а Гугл-тревел, слава Богу, загрузится уже сам. Но кто придет? Ко мне в жизни никто в гости без приглашения не приходил, с чего бы вдруг? Что ж делать-то теперь? А как же мои там? Мама с ума сойдет...

Я постепенно осознал, что случилось. Оглядывал мой дом, в котором лежали чужие вещи, и понимал — вот так оно все и будет теперь. Мое место занято. Я здесь никто. Меня нет. А там... Да еще на заднем плане смутно маячил вопрос двойника. Может быть, нам стоит встретиться? Может, он мне хоть чем-то поможет? А что я скажу? А если я ему не понравлюсь? Может, он мне вообще не поверит. А то и полицию вызовет!

Я отодвинул занавеску — за окном на первый взгляд все было как обычно. Нет, не все! Вывески немножко другие. Рядом с подъездом вместо дерева стояли две кадки с кактусами и скамейка. Старая, избитая дождями, серая. Видимо, стоит здесь уже лет двадцать. Только вот вчера ее не было.

Но делать нечего — надо было разбираться что к чему. Хоть на улицу выйти, проверить — город-то похож или другой совсем? Я вздохнул, выпил чашку чая с вениками и отправился на разведку.

В городе было всё почти такое же, как у нас. Однако глаз цеплялся за эти «почти». Вот здесь новый поребрик, здесь вместо глицинии — декоративный виноград. А здесь улица уходит в тупик, а у нас на этом месте — маленькая площадь. Вот пристань совсем такая же. Нет, на пирсе решетка, тогда как у нас ее давно убрали. И пахнет... Как-то по-другому пахнет. Тоже солью и ветром, но не так. Или, может, кажется?

Ноги сами вынесли меня к Настиному дому. Ребрышки с соусом, вдруг вспомнил я. Возьму да и зайду! Вечером. Я сел на скамейку напротив ее подъезда, закурил и попро-

бовал подумать спокойно, что же делать дальше. Совсем спокойно не получалось. Кто-то должен прийти и включить компьютер, повторял я про себя. А кто? Ключи есть только у меня и у хозяина. Хозяин не приходит никогда, ему дела нет, что творится у него в квартире, платили бы аренду. Вот если бы что-то случилось! А что может случиться? Квартплата снимается у меня со счета автоматически. Вот когда деньги на счету кончатся... Я прикинул. Нескоро они кончатся, я ведь хорошо зарабатывал, а тратить особенно не на что было — авиабилеты-то я не покупал.

И тут я увидел его. Двойника. Он шел под ручку с Настей. А Настя была... Ого! — я вгляделся и присвистнул. Двойник-то мой — без пяти минут папаша, ни больше ни меньше!

Ребрышки, значит, отменяются, подумал я с сожалением. Вопрос контакта с двойником был закрыт. Только меня ему сейчас и не хватало! Я вздохнул и пошел в аптеку, покупать зубную щетку, шампунь, дезодорант и мочалку. В кошельке болтались двадцатка, пятерка и несколько долларов. Я вдруг понял, что это все, что у меня есть. Кредитками пользоваться было нельзя: счета будут приходить моему двойнику. Да, и на нормальную работу устраиваться тоже нельзя, номер сошел секьюрити у нас одинаковый. М-да. Нелегал. Бездомный, беспаспортный и безработный!

— Не расстраивайся, Алекс, — сказал Фэн, вернувшись с работы. — Устроим тебя в наш магазин, ты вон здоровый какой.

На мои стенания — мол, документов нет, дома нет, ничего нет и непонятно как вообще — мой спаситель пожал плечами и сказал, что пол-Америки так живет, и ничего.

И действительно, ничего! Начальник Фэна, Чао Ю, китаец помоложе и пожестче, взял меня без лишних расспросов. Ну еще бы, на такие-то деньжищи.

Жизнь стала размеренной и неторопливой. Я разгружал ящики с дурно пахнущей едой, таскал их в подсобку, раскладывал товар по полкам, и каждый вечер Чао Ю вручал мне две двадцатки. На еду хватало. Вскоре мне вышло повышение: оказалось, я умею читать по-английски и считать, и теперь я еще проверял накладные, а еще подсчитывал запасы банок, коробок и писал, что надо заказать. Вместо двух мне давали три двадцатки, и в воскресенье можно было взять пива или вина и посидеть на веранде.

Я продолжал выяснять, кто из моих знакомых по прошлому миру чем занимается. Делать это надо было осторожно, чтобы не засветиться. Я постригся очень коротко, почти наголо, отпустил бородку и обзавелся большими темными очками. Смотрел, как мои приятели по субботам гоняют шары в бильярдной на углу Полк-стрит и О'Фаррелл, и изнывал от желания выйти из-за колонны и сказать: «Привет! Давно не виделись. Как вы?»

В прошлом мире мои родители наверняка искали меня и думали неизвестно что. Приходилось терпеть и это. Через пару месяцев я почти уверился, что вечно буду работать в китайской лавке.

Однажды мне дали премию — целых четыре двадцатки. Несколько ошалев от такого богатства, я решил шикануть: сходить в тот крошечный ресторан в итальянском районе, в котором я был однажды... не помню. Имена девушек, знакомых и коллег из прошлой жизни потихоньку изглаживались из памяти.

Надо узнать адрес, подумал я и зашел в ближайшее интернет-кафе. Сто лет не сидел за компьютером, да и не хотелось. Только расстраиваться. Оттуда письма не дойдут, а здесь я никому и не нужен.

Я сел за комп, настучал в гугле название ресторана, и вдруг меня осенило. Ха! Очень даже нужен!.. Ни в какой ресторан я не пошел, а вместо этого весь вечер составлял резюме. Потом

я завел себе новый адрес и отправил моему потенциальному работодателю резюме, а главное – сопроводительное письмо.

Когда-то я проходил в той компании летнюю стажировку и примерно представлял, что надо писать. Кроме того, у меня был неубиенный козырь.

Через день меня вызвали на интервью в «Гугл».

В этом мире, похоже, «Гугл» был ничуть не хуже, чем в нашем. Приемная сияла зеркальными стеклами, на натертом до блеска паркете разбросаны круглые разноцветные кресла и столики с орхидеями в круглых же вазах. Вокруг сновали совершенно не подходящие к такой шикарной обстановке небритые люди в джинсах, шортах и гавайках. На мой приличный костюм, одолженный у Фэна по случаю интервью, косились, понимающе кивали и улыбались. Понятное дело, мужик на интервью идет, оделся — как в цирке выступать.

Я подошел к проходной, любезная девушка осведомилась, по какому я делу, а услышав мое имя, обрадовалась и засуетилась.

— Присядьте, пожалуйста, — сказала девушка, — сейчас подойдет Боб, он вас проведет. — И протянула мне красивый круглый значок — «Гугл. Посетитель».

Боб оказался мрачным, здоровым и бородатым. Коротко кивнул мне, буркнул: «Приятно познакомиться». Соврал на-верняка. Вид у него был такой, словно я оторвал его от очень важного и срочного дела. Позже оказалось, что у Боба всегда такой вид, но зато много других достоинств.

В комнате за круглым столом сидели четыре человека. Двое из них показали мне смутно знакомыми.

— Сергей, — представился один.

Я испытал мгновенный укол тщеславия. Брин! Меня интервьюирует Сам! Я вспомнил, как мой приятель Тодд Хаяши рассказывал про свой первый день в «Эппле». Мол, приходит Тодд на работу, а у него на стуле для посетителей сидит Стив Джобс. И руку подает — добро пожаловать, дорогой Тодд. «Теперь и мне будет что рассказать!» — подумал я, но вспомнил, что Тодд, как и все остальное в моей жизни, остался там, за мерцающим экраном. Эх!

«А Сергей Брин зато здесь», — напомнил я себе.

Боб снова коротко кивнул — мол, виделись, а высокий кореец с татуировкой представился Джоном.

Последний из моих интервьюеров, симпатичный рыжий парень помладше меня, привстал, протянул руку, намереваясь представиться.

— Август? — воскликнул я радостно. — Здравствуйте!

Август смутился и промывчал: «Но откуда?..» Вот черт, не надо лезть раньше времени, одернул себя я и понес что-то вроде: «В прошлом году мы встречались на конференции... У меня хорошая память на лица...»

Мы расселись.

«Сам» скрестил руки перед собой и сразу перешел к делу:

— Скажите, Алекс, как вам пришла в голову идея ... ммм... путешествий?

Домашнюю работу я выполнил, мы даже отрепетировали мою речь с Фэном. Трижды. Поэтому я сделал вид, что думаю, выдержал паузу и начал:

— Карты Гугла сразу захватили мое воображение. Это же как будто ты поднимаешься над Землей, находишь нужное место и одним движением колесика снижаешься, куда надо. Вся Земля в твоём распоряжении! Можно заглянуть в любой двор. Ну, почти. Однако прогресс не стоит на месте.

Сидящие за столом энергично закивали — мол, знаем, сами его и пишем.

— Если бы была возможность еще и не только смотреть, вот это было бы действительно грандиозно. Вопрос за малым, за нуль-транспортировкой, как ее называют фантасты.

На этом месте я собирался отвесить еще пару-тройку комплиментов и закружиться. Но вместо этого почему-то понес вдохновенную чушь.

— И ведь когда-нибудь это будет возможно! — вещал я, возбужденный, как пифия на треножнике. — Скоро! И к этому времени уже можно разработать систему поиска и перемещения и программный интерфейс пенетрации. — Я очень кстати вспомнил, как Август называл этот самый волшебный модуль. — Имея на руках такую технологию, можно сразу стать лидером, практически монополистом. А затраты невелики, несколько человек справятся легко.

«Что я несу?! — подумал я. — Какие затраты? Откуда я это все взял?»

Тут Боб переглянулся с Брином и записал что-то в блокноте, а Август тем временем смотрел на меня с подозрением.

Я продолжал нести весь этот бред — и внезапно почувствовал знакомый озноб: кажется, клюнуло, я что-то угадал. Джон остановил меня жестом руки и обратился к Августу:

— Ты его знаешь?

— Нет! — почему-то испуганно ответил Август и даже покраснел. — Честное слово!

Брин посмотрел на часы, вытащил из папки какую-то бумажку и положил передо мной.

— Так, молодые люди. Алекс, если вас устраивают условия, — он постучал пальцем по бумажке, — то завтра выходите на работу.

Я прочитал написанные на бумажке цифры и сомлел. А Брин продолжал:

— Теперь. Джон, посадите его пока у себя и введите в курс дела. Август, подготовь мне, пожалуйста, отчет за последнюю неделю, давай пройдемся вместе. — Кивнул всем и поднялся со стула.

— Алекс, и снимите жилье поближе, — донеслось уже от двери, — нечего время на дорогу тратить. Ну, до вторника! — Дверь хлопнула.

— Так меня взяли? — спросил я на всякий случай у Джона. — А остальные документы как же?

Джон неопределенно махнул рукой куда-то в сторону окна. — Разберемся, — пообещал он. — А вообще-то у тебя ведь менеджерское образование есть?

— Ну есть, — насторожился я, ибо предполагал, что меня берут разработчиком.

— Вот и поменеджеришь, в промежутках между кодом, — подмигнул мне Джон. — Ты вот лучше скажи-ка. Например, установим мы эту твою пенетрацию — ты, кстати, нарочно такое похабное название придумал? А что ты будешь делать с разницей давления? А если какой-нибудь идиот в жерло вулкана залезет? Это все надо сильно заранее продумать!..

Электричка неспешно ползла между желтыми холмами, совершенно такими же, как в моем прошлом мире. Я потихоньку успокоился и стал обдумывать всякие пустяки — вроде того, что в Сан-Хосе жарко, значит, надо будет купить запас футболок и шортов. У нас-то вечно холодно и туманно, я до июля из свитера не вылезал.

— Фэн! — заорал я с порога. — Фэн, я буду строить машину времени, представляешь?!

— И хорошо, — покивал головой сосед, — и отлично. Жалко только, у нас опять бухгалтерию вести некому будет. Ты очень хорошо считаешь. Давай рассказывай.

И я рассказал.

А на следующее утро я надел футболку и шорты и поехал строить машину времени.

Наша группа работала над проектом уже третий месяц. Идея в основном принадлежала Джону, Август был самым

горячим евангелистом проекта, Боб — просто программистом-гением. Встречались мы около полудня, а так все работали в разное время. Август, ранняя пташка, приходил к восьми, Боб к десяти, Джон к двенадцати. Боб не работал по субботам, поскольку еврей. Все остальное время можно было встретить по крайней мере одного из троих — хоть в полночь, хоть в пять утра.

В субботу, как обычно, я приехал к Фэну в гости. Мы сидели за столиком, накрытым по-китайски. Это я ему с первой полочки подарил красивый лакированный низкий стол для торжественных случаев. Мы расположились на подушках, двое официантов из соседнего китайского ресторана быстро накрыли столик и убежали. Мы выпили по первой, и по второй, и по третьей чашечке. Это настраивает на философский лад, я начал говорить о том, как все в мире случайно, о том, что никогда нам не узнать, почему все складывается так, а не иначе, потом вдруг начал (видимо, несколько неумеренно) благодарить моего хозяина — мол, без него бы я тут совсем пропал.

Фэн кивнул:

— Алекс, ты новый человек в нашем мире, дай я тебе скажу одну вещь. Может, у вас там было не так. Люди рождены и идут по жизни, а у жизни есть смысл. — Тут он сделал паузу.

Я заволновался: неужели наконец узнаю, в чем он, смысл?

— А смысл в том, — Фэн поднял палец, — что жить очень интересно. Поэтому люди так и цепляются за жизнь. Они думают: а дальше-то что? Без меня не показывайте!

Я погрузился в раздумья о том, что и где сейчас без меня показывают.

Но Фэн продолжал:

— Вот тебе интересно путешествовать по свету или работать в «Гугле». Я программировать не умею, поэтому я хочу послушать твои рассказы. А когда вы сделаете эту штуку у нас, я тоже смогу путешествовать. Разве это не здорово?

— Вообще-то здорово, и правда, — согласился я.

И мы еще выпили, потом закусили мраморными яйцами, а потом трепангами.

И тут раздался треск. За спиной у Фэна повис серый прямоугольник.

— Тебе пора домой, Алекс, — сказал Фэн.

— Да... — Я был совершенно ошарашен. — Да... ну, я пойду тогда, надо хоть родителям позвонить, что ли...

И нырнул вперед головой в мерцающий экран.

И со всего размаха стукнулся головой обо что-то твердое и угловатое.

Видимо, я ненадолго отключился, поскольку следующее, что я услышал, было:

— Что ты разлегся, придурок? Где ты шлялся полгода? — И еще несколько слов на чистом русском языке.

— Папа! — Я попытался подняться и оглядеться. Ну конечно! Они переставили стол к окну, вот я и впилился!

— Где ты был? — гремел отец. — Мать с ума сходит! Ты что — написать не мог? Позвонить? У тебя уши отсохли? Язык примерз?

— Пап... — Я собрался с силами и сел на полу. — Честное слово, — мне хотелось придать голосу убедительности, — честное слово, не мог я позвонить!

Из угла раздалось какое-то шуршание, и густой низкий голос произнес:

— Это ваш сын?

Я с трудом повернул голову. Коп! Нет, два копа! Я пропал без вести, прошло полгода... в таких случаях рано или поздно включают компьютер, чтобы следы найти!

— Мой, — облегченно, но с ноткой раздражения сказал отец.

— Поздравляем вас! — искренне обрадовался полицейский. — Наконец-то.

ФАНТАСТИКА

— Так мы тогда пойдем? — подал голос второй коп. — Раз он нашелся? Вы, наверное, хотите побыть вдвоем?

— Или вы хотите протокол? — осведомился первый.

Мне показалось, что ему очень не хочется писать протокол.

— Не-не-не! — сказали мы с отцом хором. — Не надо протокола, все хорошо!

Копы, поскрипывая портупееми, испарились.

— Папа! — Я встал и повернулся к отцу. — Ну поверь мне, правда не мог!

— Мерзавец, — сказал отец. — Тогда звони хоть сейчас, что ли?

Я вздохнул, взял протянутый телефон и сказал в трубку:

— Мама? Мам... у меня все в порядке! Ну не мог я позвонить! Честное слово.

Воскресным утром я лежал на диване у себя дома. Дома. На Кобакабана сейчас день, можно сгонять туда, поглядеть на девушек в коротких цветастых юбках и на чаек. А можно... Но в понедельник же важный день, вспомнил я вдруг, мы ж вводим в действие графический модуль! В воскресенье вечером надо бы немножко поработать, хоть почитать кое-что — а то там в одном месте выдается какой-то странный результат...

Я вздохнул. За прошлый вечер и ночь я успел обзвонить половину моих девушек и приятелей. Они меня искали, беспокоились... Обрадовались страшно! И все как один меня ругали — мол, ты что, позвонить не мог?

Да не мог я!

И тут я опять подумал, что все это, конечно, хорошо, но в понедельник-то на работу, модуль запускать. Нам еще год точно работать, пока мы сможем запустить хотя бы бета-версию. Ведь если не мы, то этого в том мире не сделает никто. А потом у нас еще есть разработки по времени...

Мой взгляд упал на пыльный DVD на рабочем столе. Ой, у нас до хрена, оказывается, разработок! В конце концов, это ведь Августа диск, верно? Вот я ему его и отдам. Логично!

Я быстро оделся, поехал в магазин за покупками, вернулся и занялся делами. И пока подключал компьютер к батарее с запасом на сутки, пока налаживал установки GT-программы, так, чтобы она запускалась автоматически при перезагрузке, — все это время думал о том, как обрадуются мои этому диску, как у нас все быстро-быстро заработает.

В субботу поеду к Фэну, беседовать о смысле жизни.

А! И еще же Джоанна! Что, опять ее искать и опять два месяца на ужин с вином уговаривать?

